

Л. Н. ЮРОВСКИЙ

**Денежная
политика
советской
власти
(1917 - 1927)**

**Избранные
статьи**

Л. Н. ЮРОВСКИЙ

Денежная
политика
советской
власти

(1917 - 1927)

Избранные
статьи

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Начала® *пресс*

Москва 1996

Леонид Наумович Юровский

Портрет на фоне эпохи

20-е годы XX столетия можно назвать золотым веком экономической науки в нашей стране. Тогда плодотворно работала целая плеяда замечательных экономистов. Но и среди них выделялся крупнейший специалист по денежному обращению профессор Л.Н.Юровский. Занимая высокий пост руководителя Валютного управления наркомата финансов, он был допущен к засекреченной информации о реальном состоянии экономики, в частности о валютных резервах, и мог влиять на принятие решений высшим руководством страны. До определенного момента Юровский имел редкую для экономиста-теоретика возможность реализовывать свои идеи на практике. В настоящем сборнике публикуется его наиболее значительный научный труд — монография "Денежная политика Советской власти (1917 — 1927)", изданная в Москве в начале 1928 г., и несколько статей на темы, лишь обозначенные в монографии.

* * *

Леонид Наумович Юровский родился в 1884 г. в Одессе в богатой купеческой семье. После окончания гимназии с золотой медалью он в 1902 г. поступил на электромеханическое отделение Петербургского политехнического института, но проучился там только месяц и перевелся на экономическое отделение, где среди профессоров были такие известные русские экономисты, как М.И.Туган-Барановский, А.А.Чупров — его непосредственный руководитель, П.Б.Струве, который позднее назвал Юровского "ближайшим учеником профессоров экономического отделения"¹. В годы учебы он два летних семестра слушал лекции в Германии, в 1905 г. — в Берлинском университете и в 1906 г. — в Мюнхенском. После окончания политехнического института ему как одному из лучших студентов была предоставлена стипендия на два года для завершения образования и научной работы за границей. В 1908 г. он уехал в Мюнхенский университет. Там под руководством крупного немецкого экономиста Л.Брентано он написал диссертацию "Русский экспорт хлебов, его организация и развитие", изданную в Штутгарте на немецком языке в 1910 г. В том же году Мюнхенский университет присвоил ему звание доктора политической экономии.

Вернувшись из Германии в Москву в 1910 г., Юровский решил попробовать свои силы в другой области — журналистике. Он стал

¹ "Экономический вестник". — Берлин: 1923, № 2, с.252.

пайщиком издательского товарищества крупной газеты "Русские ведомости", отражающей взгляды либеральной интеллигенции, и регулярно писал для нее статьи по экономическим проблемам. Летом 1911 г. в качестве корреспондента газеты отправился в длительное путешествие по Сибири, Дальнему Востоку и Китаю. В 1913 г. уже опубликованные в "Русских ведомостях" репортажи были изданы в Москве отдельной книгой "На Дальнем Востоке" под псевдонимом Юр.Лигин. Однако несмотря на успех журналистской деятельности, Юровский пришел к выводу, что не она является его подлинным призванием. В это время, не порывая полностью с "Русскими ведомостями", он начал преподавать политэкономия в Московском коммерческом институте (ныне Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова) и вести курс экономической политики в Народном университете им. Шанявского.

Во время первой мировой войны в конце 1915 г. Юровский был призван на военную службу, стал артиллеристом, получил чин прапорщика и батарею под свою команду на Румынском фронте. Он горячо приветствовал Февральскую революцию и после возвращения с фронта был назначен в августе 1917 г. управляющим Особым статистико-экономическим отделом министерства продовольствия Временного правительства. Однако постепенно Юровский усомнился в способности Временного правительства управлять страной, в одной из статей того времени с иронией отзывался о некомпетентности чиновников своего министерства. Во введении к "Денежной политике Советской власти" Юровский приводит слова министра продовольствия Временного правительства известного экономиста С.Н. Прокоповича, сказанные им в середине сентября 1917 г.: "Мы на границе отчаяния... И уже теперь я как экономист могу предвидеть тот месяц, когда мы окончательно экономически развалимся".

Октябрьскую революцию Юровский, как и большинство интеллигенции, встретил враждебно. Об этом свидетельствуют газетные статьи, публикуемые в настоящем сборнике. Однако его точка зрения со временем менялась. В статье "Крайний срок", опубликованной в феврале 1918 г., он признал, что "с властвованием большевиков связаны интересы значительных групп населения". Характерная для Юровского способность объективно анализировать сущность происходящих процессов независимо от личных пристрастий привела его к сотрудничеству с Советской властью. В ноябре 1917 г. он переехал в Саратов, где работал до осени 1921 г. профессором университета, деканом факультета общественных наук, ректором организованного в 1918 г. института народного хозяйства, членом губернской плановой комиссии. Там же в 1919 г. вышла фундаментальная монография Юровского "Очерки по теории цены", заслужившая высокую оценку П.Б. Струве. Вместе с тем он не мог не видеть экономическую неэффективность проводившейся во время гражданской войны политики "военного коммунизма". Ее глубокий анализ Юровский дал в первых двух главах "Денежной политики Советской власти", где всесторонне исследуются проблемы безденежного хозяйства. Он подчеркивал, что такое хозяйство мыслимо лишь при условии "связанного потребления", т.е. пайкового распределения, с которым население может мириться только в военное время. После пе-

рехода к нэпу в 1921 г. его отношение к экономической политике государства изменилось.

Осенью 1921 г. Юровский переехал в Москву, где стал заведующим отделом иностранной статистики Центрального статистического управления (ЦСУ), одновременно поддерживая постоянные связи с наркоматом финансов. Он вошел в число тех высококвалифицированных специалистов по денежному обращению, которые с осени 1921 г. привлекались правительством для поиска путей оздоровления денежного обращения. Это стало первоочередной задачей с самого начала нэпа. Ведь за годы гражданской войны и политики "военного коммунизма" денежная система развалилась, безудержная эмиссия и спад промышленного производства в 6—7 раз по сравнению с довоенным уровнем привели к тому, что весной 1921 г. рыночные цены в 30 тысяч раз превысили уровень 1913 г.

Проблема еще больше обострилась после того, как в октябре 1921 г. начался период гиперинфляции, который продолжался полгода. С октября 1921 г. по май 1922 г. цены возросли в 50 раз. Этот рост цен был вызван прежде всего страшным неурожаем 1921 г., приведшим к резкому сокращению поступления продовольствия на рынок и его удорожанию. Удорожание продовольствия повлекло за собой рост зарплаты, которая в то время следовала, хотя и с опозданием, за индексом цен. А рост зарплаты вел к удорожанию промышленных изделий. Так закручивалась инфляционная спираль, в разворачивании которой сыграла свою роль и чрезмерная эмиссия совзнаков осенью 1921 г. Стремительное обесценивание рубля крайне затрудняло восстановление экономики, и стала еще настоятельнее необходимость оздоровления денежного обращения.

Среди специалистов существовало две точки зрения. Одни говорили, что устойчивая валюта может появиться только в результате общего восстановления экономики, которое требует многих лет интенсивной работы, и потому какие-либо особые меры в области денежного обращения преждевременны. На первом крупном совещании по вопросам регулирования денежного обращения в ноябре 1921 г. большинство придерживалось этой точки зрения. Например, член коллегии Наркомфина знаменитый в будущем полярник О.Ю. Шмидт утверждал, что только через 10 лет могут быть приняты действенные меры к установлению вполне устойчивой денежной единицы.

Другие специалисты, в том числе и Юровский, доказывали, что при падающей валюте восстановить народное хозяйство не удастся, и поэтому необходимо незамедлительно найти способы создания устойчивой валюты. Один из таких способов предложил известный банкир с большим дореволюционным опытом В.В. Тарновский. Его идея заключалась в том, чтобы, не прекращая эмиссию обесценивающихся казначейских совзнаков, которыми покрывался бюджетный дефицит, параллельно выпускать для коммерческого оборота относительно стабильные банкноты, в определенной доле обеспеченные золотом и инвалютой. Эта идея обсуждалась среди других предложений в начале марта 1922 г. на совещании у руководителя Наркомфина Г.Я. Сокольников и не встретила поддержки большинства. В числе ее критиков был и Юров-

ский, пришедший однако вскоре к выводу о необходимости такой меры. Объясняя свою позицию в VI главе "Денежной политики Советской власти", он связывал целесообразность введения параллельной валюты с переходом к рыночным отношениям. Предприятия нуждались в твердом основании для своих расчетов, которым не мог быть падающий совзнак. Эту роль стихийно уже начали играть иностранная валюта и дореволюционная золотая монета. Борьба только административными мерами с этим процессом было бесполезно, требовалось хотя бы части оборота дать твердую точку опоры. Кроме того, следовало предоставить возможность накопления в отечественной валюте и замедлить скорость обращения денежной массы в целом.

При активном участии Юровского в мае 1922 г. в общих чертах был разработан проект выпуска банкнот, и в конце июля Совнарком принял постановление о предоставлении Госбанку права выпуска червонцев. Успех всего замысла сосуществования двух валют в значительной мере зависел от согласованности в действиях Госбанка, выпускающего червонцы в обращение, и валютного управления Наркомфина, осуществлявшего эмиссию совзнаков. Важная роль в координации этих действий была отведена Юровскому, ставшему 10 августа заместителем начальника валютного управления. Название данного управления не совсем точно отражало его функции, кроме валютных операций в сферу его деятельности входило регулирование всей денежной политики, разработка мер по оздоровлению денежного обращения. В составе управления под руководством Юровского была образована комиссия по вопросам кредита и денежного обращения. Она провела три заседания, и на последнем из них, состоявшемся 21 августа, определила повестку дня заседания, намеченного на следующий день.

Но 22 августа заседание не состоялось, поскольку Юровский оказался под домашним арестом. В этот день начался очередной этап давно готовившейся операции по высылке за границу видных представителей интеллигенции, которые публично выражали свое враждебное отношение к марксизму и отрицали возможность социалистического строительства при нэпе. На протяжении лета Государственное политическое управление (ГПУ) готовило список высланных, принимая во внимание отзывы о них членов специальной группы партийных публицистов, образованной Секретариатом ЦК. В данный список и был включен Юровский вместе со своими друзьями известными философами Н.А.Бердяевым и С.Л.Франком. Поводом к тому послужила публикация в журнале "Экономическое возрождение", незадолго до этого закрытом властями, статьи Юровского "Бюджет и народный доход в современной России". В ней он предлагал для уменьшения бюджетного дефицита сократить военные расходы и подчеркивал необходимость "ликвидировать военное хозяйство во всех его видах". За это один из членов вышеупомянутой группы партийных публицистов В.Н.Сарабьянов на страницах сентябрьской книжки журнала "Народное хозяйство" обвинил Юровского в требовании полной ликвидации Красной Армии, хотя понятно, что последний имел в виду устранение остатков "военного коммунизма" в экономике.

Тем не менее в начале сентября домашний арест был снят и по ходатайству коллегии Наркомфина Юровский оставили в стране, как и

некоторых других специалистов, исключенных из списка высылаемых по просьбе того или иного ведомства. Власть как бы признала их ценность для решения хозяйственных вопросов, но дала понять, что не потерпит публичной критики принципиальных основ политики партии. После того как в октябре 1922 г. началась практическая реализация декрета о выпуске червонцев, Юровский был назначен представителем Наркомфина в Совете по эмиссионным делам при Госбанке. Этот совет из пяти человек осуществлял общее наблюдение и контроль над эмиссионной деятельностью Госбанка. Однако с самого начала выпуска банкнот стало ясно, что будет нелегко противостоять требованиям чрезмерно увеличить кредитование. Юровский писал в декабре 1922 г.: "К вновь заработавшему печатному станку протянется много рук и отчасти рук очень сильных"¹. Эти опасения спустя полгода подтвердились.

Однако еще большую угрозу для судьбы денежной реформы представлял чрезмерный выпуск совзнаков, вызванный сохранением бюджетного дефицита. В первом полугодии 1923 г. 25—30% бюджетных расходов финансировалось за счет эмиссии. Такой значительный бюджетный дефицит в большой мере объяснялся завышенными запросами со стороны различных ведомств и предприятий. Чтобы ослабить этот напор, валютное управление Наркомфина подготовило проект постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), который законодательно ограничивал размер месячной эмиссии совзнаков определенной величиной в золотых рублях, причем в объяснительной записке к законопроекту, написанной Юровским, намечалось к 1 января 1924 г. полностью отказаться от использования эмиссии для покрытия бюджетного дефицита. В июле 1923 г. сессия ВЦИК приняла данное постановление, а в конце того же месяца Юровский стал начальником валютного управления.

К сожалению, выполнить июльское постановление не удалось, в частности, из-за того что в сентябре были значительно увеличены военные расходы. У руководства страны появилась надежда на революцию в Германии, которой оно собиралось оказать вооруженную поддержку. В результате возрос бюджетный дефицит, и его пришлось покрывать огромной эмиссией совзнаков. В системе параллельного сосуществования двух валют стали обостряться диспропорции, которые подробно описаны в VII главе публикуемой монографии. Факт резкого роста военных расходов был скрыт завесой секретности от большинства специалистов, поэтому расстройство денежного обращения в последние месяцы 1923 г. они связывали с сохранением системы параллельной валюты.

Возникшие трудности удалось преодолеть в значительной мере благодаря тому, что доверие к червонцу было сохранено посредством значительных интервенций золотой монеты и инвалюты на вольном рынке, в результате которых курс червонца по отношению к золоту и инвалюте сохранялся относительно стабильным, несмотря на рост товарных цен. В течение 1923 г. сформировался валютный рынок, на котором частные лица могли практически свободно покупать и продавать валютные ценности при достаточно жестком контроле за валютными

¹ "Экономическое строительство". — 1922, №1, с.33.

операциями юридических лиц. Такую линию в валютном регулировании Юровский последовательно проводил на различных совещаниях, доказывая нецелесообразность чрезмерных ограничений в отношении отдельных граждан. В августе 1923 г. в составе валютного управления было организовано специальное подразделение — особая часть для проведения валютных интервенций на свободном рынке. Ее возглавил один из ближайших сотрудников Юровского Л.Л. Волин, работавший под его непосредственным руководством. Особая часть осуществляла осенью 1923 г. широкомасштабную продажу золотой монеты на валютном рынке.

Несмотря на все трудности, денежная реформа успешно завершилась весной 1924 г., когда был произведен обмен совзнаков на червонцы, и страна получила одну твердую валюту. Но Юровскому и после этого пришлось защищать саму идею введения параллельной валюты от нападков многих своих коллег, которые считали ее слишком искусственной, а успешный опыт объясняли делом случая или удачей. Отвечая на эти упреки, он подвел итог практической реализации идеи параллельной валюты в VI главе "Денежной политики Советской власти": "Хорошие деньги, конечно, должны были стать в конце концов губительными для плохих. Практически проблема поэтому заключалась в том, чтобы использовать срок до момента гибели старой денежной системы и оздоровить за это время все финансовое хозяйство, т.е. в том, чтобы правильно наметить момент начала и момент окончания денежного преобразования, оставив достаточный промежуток времени для работы по ликвидации бюджетного дефицита. В этом предприятии невозможен был вполне точный расчет. Успех, который имел место в действительности, был в этом смысле делом "удачи". Но не бывает ли это сплошь и рядом так в важнейших государственных делах, которые нельзя проводить без некоторого риска?"

К этим словам нужно добавить, что удача приходит только к тому, кто обладает истинными знаниями и интуицией, которые продемонстрировал Юровский в ходе проведения денежной реформы. Вместе с тем, успех денежной реформы в значительной мере зависел от отношения высшего руководства страны к предложениям специалистов по ее проведению. Юровский пользовался полным доверием у наркома финансов Г.Я. Сокольникова, который в то время имел большой политический вес в высших органах, принимающих экономические решения. Это был период так называемой "диктатуры Наркомфина", поскольку задача стабилизации рубля рассматривалась Политбюро как приоритетная.

Опыт использования параллельной валюты для оздоровления денежного обращения вызывал большой интерес за границей, особенно в Германии, где сходные идеи использовались при введении рентной марки для борьбы с гиперинфляцией в ноябре 1923 г. Вышедшая в 1924 г. книга Юровского "На путях к денежной реформе" была переведена на английский и немецкий языки и издана в Лондоне и Берлине. В этой книге, разъясняя необходимость сохранения курса на твердую валюту, автор писал: "Борьба за устойчивую валюту вытекает с железной необходимостью из новой экономической обстановки: хозяйству,

работающему на рынок, нужны твердые деньги". И далее развивая эту мысль, он опровергал распространенное тогда мнение о том, что ограничение эмиссии тормозит восстановление экономики и связано с определенными жертвами: "Много говорят и много еще будут говорить о тех жертвах, с которыми связано установление твердой валюты. Это — недоразумение. С государственной точки зрения таких жертв вообще не будет. Будут трудности для предприятий, которым придется собственными силами бороться за существование. Но это — не жертвы, а усилия, необходимые для того, чтобы создать благоприятные условия развития для всех частей народного хозяйства без исключения"¹.

Такие благоприятные условия и были созданы после завершения денежной реформы, в результате чего с лета 1924 г. начался бурный рост народного хозяйства. За три квартала 1924/25 хозяйственного года (который тогда начинался с 1 октября) прирост промышленной продукции составил 63% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года вместо ожидавшихся по плану 31—32%. Высокие темпы восстановления промышленности, а также хороший урожай вызвали у руководителей хозяйственных органов чрезмерный оптимизм. Летом 1925 г. они наметили резкий рывок на следующий хозяйственный год: валовую продукцию промышленности планировалось увеличить в 1,5 раза, экспорт — в 2 раза, капитальные затраты в промышленности — в 2,5 раза. В ходе реализации этих планов количество денег в обращении увеличилось с 1 июня по 1 декабря на 63%.

Стержнем хозяйственного подъема должна была стать успешная реализация плана хлебозаготовок и хлебного экспорта. Однако осенью крестьяне отказались продавать государственным заготовителям хлеб по предложенным последними ценам. Стимулировать же продажу хлеба путем дополнительного снабжения деревни ходовыми промышленными изделиями по приемлемым для крестьян ценам не удалось, поскольку промтовары осели в городах, где также начал развиваться острый товарный голод. В результате был сорван план экспорта, что сразу отразилось на импортных возможностях, ибо достаточных валютных резервов страна в то время уже не имела. Начали расти цены, как оптовые, так и розничные. К концу года стал ощущаться острый дефицит сырья, топлива, строительных материалов, квалифицированной рабочей силы. Приняв непосильные темпы развития, советская экономика к концу 1925 г. стала задыхаться, как бегун, слишком резко начавший бег.

Кризис породил острую дискуссию о его причинах и путях устранения, в которой самое активное участие принимал Юровский. В это время он написал ряд записок руководству страны, привлекался к работе в комиссии Политбюро в качестве эксперта, неоднократно выступал в печати. Наиболее полно свое видение возникших проблем он изложил в статье "Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики", написанной в феврале 1926 г. и опубликованной сначала в органе Наркомфина журнале "Вестник финансов" №3 за 1926 г., а затем и в виде отдельной брошюры. Частично эта статья приведена в IX главе публикуемой монографии.

¹ Л.Юровский. На путях к денежной реформе. — М.: 1924, с. 116.

Главную причину возникших трудностей Юровский видел в чрезмерных планах хозяйственного развития, в первую очередь, капитального строительства, начало реализации которых вызвало кредитно-денежную инфляцию. По существу, именно тогда была сделана первая попытка форсировать индустриализацию. В ноябре 1925 г. Политбюро признало нереальность принятых планов и дало директиву об их пересмотре. На 1/4 были сокращены планы хлебозаготовок, на 1/4 — капитальных работ в промышленности, на 1/3 — экспорта. Тем не менее продолжалась борьба вокруг плана кредитования промышленности. В руководящих кругах нашлось много сторонников точки зрения, объясняющей причины кризиса диспропорцией между развитием сельского хозяйства и промышленности, низким уровнем промышленного производства, не позволившим обеспечить деревню промтоварами для стимулирования хлебозаготовок. На базе такого объяснения руководящие работники Госплана и Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) выступали против жесткой денежно-кредитной политики, предлагавшейся Наркомфином и Госбанком.

Юровский выступил с резкой критикой теории диспропорции. Он указывал, что причиной хозяйственных затруднений являлась не сама по себе диспропорция между уровнями восстановления промышленности и сельского хозяйства. Ошибочным был выбор пути борьбы с ней, который строился на первоочередном развитии тяжелой промышленности и капитального строительства в ущерб производству потребительских товаров. Этот путь вел к опережающему росту платежеспособного спроса в городе, так что снабжение крестьян промтоварами ухудшалось. По мнению Юровского, дальнейшее форсирование развития промышленности, которое предлагали сторонники теории диспропорции, могло только ухудшить положение: "Недостатком этого предложения является его полная неосуществимость. Оно игнорирует самое существенное из условий, вызывающих наши хозяйственные затруднения. А именно, оно забывает о том, что мы обязаны нашими затруднениями недостатку реальных ресурсов и что как раз форсирование развития хозяйства при наличии такого недостатка ведет не к сокращению, а к усилению бестоварья. Может казаться, что при использовании предлагаемого метода успешная ликвидация товарного голода виднеется в конечной перспективе. Но это видение носит характер только миража, и к этому миружу даже действительных подступов нет"¹.

Дискуссия о темпах индустриализации, размерах кредитной экспансии логически была связана с происходившим примерно в то же время острым спором о политике цен и целесообразности сохранения паритетного курса червонца относительно инвалюты. После окончания денежной реформы курс червонца относительно доллара сохранялся практически стабильным с помощью валютных интервенций на вольном рынке, которые осуществляли Госбанк и особая часть валютного управления Наркомфина. Усиливавшиеся с лета 1925 г. инфляционные тенденции вынудили значительно увеличить размер этих интервенций. В то же время углублялся разрыв между покупательной силой червонца

¹ Л.Юровский. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. — М.: 1926, с.43.

на внутреннем рынке, которая падала из-за инфляции, и стабильным обменным курсом. Руководители Госплана и ВСНХ предложили отказаться от поддержки этого курса, т.е. девальвировать червонец для повышения рентабельности экспорта и сокращения расхода инвалюты на интервенции.

Аналогичное предложение выдвигали некоторые специалисты по денежной и валютной политике, в частности ставший знаменитым в 60-е годы В.В.Новожилов. Он выступил также за отказ от политики, направленной на снижение цен, которая стала проводиться после окончания денежной реформы. В эти годы государство было в состоянии контролировать отпускные цены госпредприятий. В розничной же торговле, которая в основном находилась в руках частных, государство могло влиять только на цены кооперации. До лета 1925 г. снижались как регулируемые отпускные цены госпредприятий, так и свободные розничные. Позднее товарный голод привел к тому, что на фоне стабильных отпускных цен, находившихся под контролем государства, свободные розничные цены стали расти. Обращая внимание на рост торговых накидок, Новожилов утверждал, что следует освободить отпускные цены от государственного контроля и дать им возможность повыситься (то же самое предлагали и сторонники форсированной индустриализации). В результате, как он надеялся, улучшится финансовое положение промышленности. Одновременно имело смысл, по его мнению, отказаться от регулирования кооперативных цен в розничной торговле, чтобы они поднялись до уровня цен частной торговли. Все эти меры, по его представлению, соответствовали законам рыночной экономики.

Юровский резко выступил против этих предложений. Как один из основных разработчиков валютной политики всего периода нэпа он разъяснял, что курс червонца относительно инвалюты после завершения денежной реформы был установлен по довоенному золотому паритету, хотя цены внутри страны выросли по сравнению с довоенным уровнем сильнее, чем за границей на 10—15%. Это было сделано специально, ибо надеялись на постепенное снижение цен после завершения денежной реформы. Такой процесс и шел до лета 1925 г. После возникновения инфляционных тенденций он повернулся вспять, стал углубляться разрыв между обменным курсом червонца и его покупательной силой внутри страны. Этот разрыв достиг такой величины, что его надо было сократить. Но тот путь, который предлагали сторонники девальвации, не позволял добиться желаемого результата, ибо он мог стимулировать инфляцию.

Юровский считал необходимым вернуться к прежнему, уже испытанному способу уменьшения разрыва между курсом и покупательной силой и использовать экономические методы воздействия на процесс снижения цен. В связи с этим он критиковал предложение повысить отпускные цены госпредприятий, реализация которого, по его мнению, привела бы к новому витку инфляции. Для него был характерен динамический подход к анализу возникших проблем, позволявший найти причины появления диспропорций. В результате такого анализа выстраивалась простая логическая цепь — разрыв между курсом и поку-

пательной силой червонца, как и между отпускными и розничными ценами, возник из-за инфляции, а она в свою очередь объяснялась неверной экономической политикой государства. Следовательно, чтобы устранить эти разрывы надо изменить экономическую политику.

Не ограничиваясь ужесточением денежно-кредитной политики, Юровский выдвинул целую программу таких изменений. "Методы регулирования, которыми владеет государство, должны быть применены в полном объеме, т.е. не только на этом участке, но и во всех других областях"¹. И, развивая далее эту мысль, он писал, что "все пересмотренные хозяйственные планы должны быть ориентированы в сторону восстановления соответствия между реальными ресурсами страны и намеченными программами". Это требование означало первоочередное расширение работы предприятий, поставлявших готовые изделия на рынок. План же нового строительства, по его мнению, следовало сократить "с учетом, во-первых, того, что всякие капитальные затраты вызывают новый спрос на готовые изделия, между тем как они расширяют производство новых изделий только через более или менее продолжительный срок, и во-вторых, того, что строить можно только в меру наличия реальных ресурсов, пригодных для строительства".

Без изменения приоритетов экономической политики либерализация отпускных и кооперативных цен и девальвация червонца привели бы только к усилению инфляции и разворачиванию глубокого кризиса. Юровский же стремился предотвратить углубление кризисных явлений. В записке председателю Совнаркома А.И. Рыкову от 29 января 1926 г. он характеризовал предлагаемое им направление политики, как "использование средств планового воздействия для того, чтобы, не проходя через кризис, провести где нужно необходимое сокращение и восстановить нарушенное равновесие"². И далее в той же записке он предлагал, используя ресурсы государственной власти, "превратить кризис в лизис (медицинский термин, означающий медленное понижение температуры с постепенным ослаблением болезни в противоположность кризису. — Ю.Г.), дать постепенно рассосаться болезненным явлениям в хозяйственном организме и восстановить нарушенное во многих частях равновесие". Думается, что такой подход в большей степени способствовал созданию эффективного рыночного хозяйства, чем предложения либерализовать цены и обменный курс. Ведь он был призван поставить барьер принятию нереальных планов форсированной индустриализации, подрывающих функционирование рыночного механизма.

То объяснение, которое давал Юровский хозяйственным трудностям, его предложение сохранить паритетный курс червонца и отказаться от форсирования индустриализации были поддержаны А.И. Рыковым. С весны 1926 г. стала проводиться сдержанная кредитно-денежная политика, были отвергнуты предложения о девальвации червонца, запланированы реальные темпы роста экономики на 1926/27 г. Это достижение Юровского по своей значимости можно приравнять к его вкладу в успех проведения денежной реформы. Показателем доверия

¹ Л.Юровский. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. — М.: 1926, с.48.

² Государственный архив РФ (ГАРФ), ф.5446, оп.55, д.954, с.105.

руководства к Юровскому явилось его назначение в феврале 1926 г. членом коллегии Наркомфина, беспартийных в то время на такой высокий пост уже не назначали.

Однако в отличие от периода денежной реформы в 1926 г. в руководстве страны не было единства по вопросам экономической политики. В начале 1926 г. со своего поста был снят нарком финансов Г.Я. Сокольников за открытое выступление против Сталина на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Высококвалифицированные экономисты Наркомфина лишились влиятельного партийного покровителя, разделявшего их взгляды. Его преемник Н.П. Брюханов занимал ту же позицию, но не обладал политическим весом и авторитетом своего предшественника в партийных кругах. На собрании работников наркомата, посвященном этим перестановкам, именно Юровский от лица всех сотрудников зачитал адрес уходящему наркому и обращение к новому, что подтверждало его высокий авторитет как среди руководителей наркомата, так и среди рядовых сотрудников. Об этой черте Юровского писал в его служебной характеристике в начале 1924 г. член коллегии Наркомфина Н.Г. Туманов, курировавший в то время валютное управление: "Профессора Юровского нельзя характеризовать как хорошего и жесткого администратора, но тем не менее нужно совершенно определенно сказать, что он сумел внушить к себе со стороны подчиненных абсолютное уважение... Лояльность профессора Юровского за все время его работы в должности начальника Валютного управления ко всем начинаниям Советской власти в области финансово-экономической политики вне подозрений"¹.

Как руководитель валютного управления, он старался привлечь к себе на работу специалистов, способных отстаивать собственную точку зрения. Однако в 1926 г. Юровский стал терять некоторых своих сотрудников. Так был снят его заместитель Л.Г. Шанин, которого резко критиковал Сталин в докладе на XIV съезде партии за газетную статью с предложением развивать в первую очередь сельское хозяйство и осуществлять индустриализацию путем импорта оборудования, оплаченного за счет экспорта сельскохозяйственной продукции. В феврале—марте по сфальсифицированным обвинениям были произведены аресты некоторых сотрудников особой части валютного управления, включая ее руководителя Л.Л. Волина, приговоренного в мае коллегией Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) к расстрелу. В то же время были прекращены валютные интервенции на внутреннем рынке, арестован ряд маклеров и фактически загнан в подполье валютный рынок. 25 июня сам Юровский впервые после 1922 г. подвергся критике в прессе на страницах "Правды" за статью "Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики". В ней рецензент усмотрел предложение отказаться от индустриализации, усилить зависимость советского хозяйства от капиталистических стран, в связи с чем автор был назван "стыдливым, завуалированным Шаниным".

Все эти события происходили на фоне обострения политической обстановки в стране. В начале лета был закрыт орган беспартийной ин-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф.7733, оп.18, д.10181, с.7.

теллигенции журнал "Новая Россия". С весны стало ухудшаться отношение властей к частному сектору экономики, значительно повысилось налогообложение зажиточных крестьян и нэпманов, был взят курс на ускорение административными мерами процесса вытеснения частного капитала из промышленности и торговли. По мнению идеологов этого курса, дальнейшее широкое использование частного капитала было несовместимо с задачами социалистического строительства. А раз эти задачи стали рассматриваться как первоочередные, то неизбежно возник вопрос о судьбе рынка. Ведь среди коммунистов было общепринято считать, что рынок не совместим с социализмом, и, следовательно, в переходный период плановое распределение должно было постепенно заменить рынок. Именно так рассуждали работники наркомата торговли, печатный орган которого газета "Торговые известия" писала 14 сентября 1926 г.: "Охватывая рынок со всех его концов, Наркомторг больше всего приспособлен к исполнению этой колоссальной важности задачи по переработке рыночной стихии и направлению ее по пути государственного планового хозяйства".

Практические действия органов Наркомторга шли в соответствии с этой концепцией. Даваемые ими распоряжения часто вступали в противоречие с требованиями рынка. Так, осенью 1926 г. Наркомторг сохранил низкий уровень директивных заготовительных цен на ячмень, кукурузу и подсолнух, несмотря на резкое падение их заготовок. Одной из основных форм регулирования рынка промтоваров было установление промышленным организациям плана завоза дефицитных промтоваров в различные экономические районы. При этом емкость рынка одних районов преувеличивалась, других — преуменьшалась, в результате чего возникали встречные перевозки. Таким образом коммерческие методы работы торгующих организаций заменялись административно-бюрократическим распределением.

Расширение сферы деятельности регулирующих органов логически вело к усилению бюрократических тенденций и внутри самой промышленности, мелочной опеки над предприятиями. Производство отрывалось от рынка, ибо между производителем и потребителем выстраивалась многоступенчатая система распределения. Неумение промышленности и кооперации приспособиться к требованиям рынка наглядно проявилось осенью 1926 г., когда товарный голод сменился относительным равновесием на рынке. Возникла ситуация, при которой дефицит одних товаров сочетался с затовариванием другими. Промышленность продолжала выпускать неходовые товары, кооперация плохо изучала спрос и даже товары, нужные населению, не могла довести до потребителей. Все эти недостатки являлись следствием пренебрежения законами товарного производства, проведением курса на замену рынка плановым распределением.

Понимая, что этот ошибочный курс связан с теорией несовместимости рынка с социализмом, Юровский попытался ее опровергнуть в большой теоретической работе "К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе", вышедшей в свет в журнале "Вестник финансов" №12 за 1926 г. В конце ноября, еще до публикации, он

выступил с ней на семинаре в Институте экономических исследований Наркомфина, где присутствовали ведущие экономисты страны. Подводя итоги обсуждения, Юровский в заключительном слове прямо изложил главные опасения, которые подтолкнули его к написанию статьи, приведя слова своего знакомого, человека близкого к руководству страны и хорошо информированного: "Года через два у нас никакого нэпа не останется"¹.

А ведь макроэкономическая ситуация в ноябре 1926 г. была в общем благоприятная: в целом спокойное состояние товарного рынка, осторожная кредитно-денежная политика, относительно стабильные цены, рост валютных резервов. Положение было лучше, чем год назад, когда развивались кризисные явления, но тогда никто всерьез не говорил об угрозе свертывания нэпа. Причины такого изменения были связаны прежде всего с переменами в политике, но имела значение и практика претворения в жизнь теории несовместимости рынка с социализмом. Юровский после истории с арестом в 1922 г., решил публично не обсуждать политические вопросы, но опровергнуть теорию, ставившую под угрозу дальнейшее продолжение нэпа, он считал своим долгом.

Статья "К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе" публикуется в настоящем издании. Она основана на анализе практики всего периода нэпа и личном опыте самого автора. В этот период наблюдались как успешные, так и неудачные примеры государственного регулирования экономики. К неудачным относились, в частности, нереальные планы хозяйственного развития, принятые летом 1925 г., или практика регулирования Наркомторга, о которой говорилось выше. К успешным — проведение денежной реформы или восстановление равновесия после кризисных явлений конца 1925 — начала 1926 г. Различие в результатах определялось тем, соблюдались или нет при принятии и реализации решений законы товарного хозяйства. Сам Юровский в деятельности валютного управления отрабатывал такие методы государственного регулирования, которые основывались на использовании рыночных механизмов. Например, получив задание поднять рыночный курс государственных займов, особая часть валютного управления выполняла его через сеть своих тайных агентов-биржевиков, которые по ее поручению покупали или продавали облигации на фондовой бирже.

Анализируя опыт нэпа, Юровский констатировал: "Административные распоряжения становятся бесхозяйственными, если они проводятся без учета тех ценностных соотношений, которые складываются на рынке... Государство может попытаться пойти против закона ценности и результатом будет удар со стороны рынка, который заставит возвратиться к соблюдению ценностных закономерностей". Отсюда он делал важный вывод: "Может быть в порядке классификационном не следует говорить, что товарно-капиталистическое хозяйство есть последняя форма товарного хозяйства, а следует поставить вслед за ней (выделив в ней монополистический подвид) товарно-социалистическую форму".

При нарушении рыночного равновесия государственные органы должны, по мнению Юровского стремиться к его восстановлению. В

¹ РГАЭ, ф.7733, оп.4, д.1095, с.184.

противном случае "мера регулирования, стремящаяся к разрешению своего задания в обход рыночному равновесию, не может остаться единственной, а требует принятия новых мер, из коих последней, завершающей цепь... является ликвидация рынка". Это происходит в силу "внутренней логики развития" (один из часто используемых Юровским терминов), присущей подобным мерам. В конце статьи он делает вывод о том, что судьба нэпа зависит от отношения к этим мерам: "Изживание их означает, что существующая хозяйственная система развивается в качестве системы товарно-социалистической, а возрастание их означает, что она неизбежно и быстро эволюционирует в сторону системы с законченным плановым распределением, т.е. системы того типа, построение которого было прервано в 1921 г."

Статья Юровского имела большое теоретическое значение, в ней впервые была выдвинута идея "товарно-социалистической формы товарного хозяйства" и раскрыт механизм постепенного свертывания нэпа, обоснована необходимость соблюдения законов товарного хозяйства при государственном регулировании экономики. Но оказать существенное влияние на ход событий, она не смогла в отличие от его выступлений конца 1925 — начала 1926 г. За год заметно изменилось внутриполитическое положение, соотношение сил в руководстве страны. На протяжении 1927 г. набирали силу тенденции, способствовавшие нарушению рыночного равновесия. Вызванные как политическими факторами, так и чрезмерным ростом капитального строительства они запустили механизм свертывания нэпа.

В результате курса на вытеснение частного капитала начала быстро сокращаться частная торговая сеть, особенно в деревне, а кооперация не успевала компенсировать это сокращение, так что стали разрушаться связи между городом и деревней. Другим внеэкономическим фактором, обострившим неравновесие на рынке, явился рост международной напряженности. В мае были разорваны дипломатические отношения с Англией, в июне — убит советский посол в Польше. Реальной угрозы войны не было, но Сталин в этот момент пришел к выводу, что ухудшение международной обстановки можно использовать во внутриполитических целях, ибо оно давало повод ужесточить режим в стране. В июле он уже прямо заявил об угрозе войны. В результате возник ажиотажный спрос, обострился товарный голод как на продовольственные, так и на промышленные товары. Он дополнительно усилился из-за смягчения денежно-кредитной политики, как следствия роста военных расходов и капитального строительства. Осенью к этим явлениям добавился кризис централизованных хлебозаготовок, вызванный ошибочной политикой заготовительных цен, дефицитом промтоваров в деревне, ухудшением взаимоотношений между зажиточными крестьянами и властью.

Экономическое положение в стране к концу 1927 г. очень напоминало ситуацию двухлетней давности, но добавилась значительная внутриполитическая напряженность. В целом обстановка была намного сложнее. Например, в 1925 г. в городах не было серьезных перебоев со снабжением хлебом, потому что падение централизованных хлебозаготовок компенсировали частные заготовители. А в конце 1927 г., не-

смотря на то, что плановые заготовки за 2-е полугодие на 10% превысили уровень 1925 г., хлеба повсеместно не хватало, за ним выстраивались огромные очереди, так как частные заготовки были запрещены. И такое положение сложилось в период празднования 10-летия Октябрьской революции.

Юровский с тревогой наблюдавший, как сбываются его предсказания о свертывании нэпа, в конце 1927 г. подготовил монографию "Денежная политика Советской власти (1917 — 1927)". Это был его вклад в юбилейные торжества. Книга, рассматривающая сложные экономические проблемы, написана с характерной для него четкостью и простотой. Г.Я. Сокольников в рецензии на эту книгу отмечал, что "автор владеет даром очень точного и вместе с тем доступного изложения"¹. В данной работе Юровский ясно и убедительно показал борьбу двух альтернативных тенденций развития советской хозяйственной системы, начиная с первых дней ее существования: военнoкоммунистической (безрыночное распределение) и нэповской (рыночное хозяйство), и продемонстрировал, насколько сильна тенденция самовозрастания таких административных мероприятий, которые не восстанавливают рыночное равновесие.

Пытаясь еще раз повлиять на то, чтобы эта тенденция, фактически победившая к концу 1927 г., была все-таки остановлена, Юровский вспоминал в IX главе книги испытанный рецепт преодоления хозяйственных трудностей: "Инфляция 1925/26 г. была преодолена пересмотром хозяйственных планов и программ и мероприятиями по сокращению размаха активных операций кредитных учреждений. Аналогичные мероприятия снова становятся необходимыми на рубеже 1928 года". Но если в конце 1925 г. предложения Юровского были с вниманием встречены руководством страны, то в 1928 г. их проигнорировали. Был избран принципиально другой путь — в январе начали применять чрезвычайные меры против крестьянства, чтобы извлечь из деревни хлеб для снабжения городов. Эти меры означали переход от постепенного свертывания нэпа к его быстрому концу.

Юровский в начале 1928 г. уехал в отпуск за границу. Там он пробыл несколько месяцев. После возвращения на родину ему пришлось столкнуться с еще более напряженной ситуацией. В апреле по политическим мотивам был снят со своего поста заведующего Конъюнктурным институтом Наркомфина один из ведущих экономистов 20-х годов Н.Д. Кондратьев, с которым Юровский находился в дружеских отношениях. Тогда же обсуждался вопрос об освобождении от должности начальника валютного управления и самого Юровского. Тем не менее он продолжал попытки объяснить руководству губительность проводимой политики.

12 июля 1928 г. Юровский, как представитель Наркомфина в совете Эмиссионного отдела Госбанка, направил Наркому финансов Н.П. Брюханову записку, в которой выразил коренное несогласие с используемыми при составлении эмиссионных балансов методами показа твердоценного обеспечения. Суть проблемы состояла в следующем. По закону червонцы должны были быть не менее чем на 25% обеспечены

¹ "Печать и революция". — 1928, № 3, с.117.

драгоценными металлами, в первую очередь золотом, и инвалютой. Инвалюта в основном хранилась на срочных и текущих счетах в надежных зарубежных банках, а золото — преимущественно в кладовой Эмиссионного отдела Госбанка (кроме того, небольшая часть на аффинажном заводе, в пути, на монетном дворе). Причем в первые годы выпуска червонцев в эту кладовую нередко приглашались иностранные делегации, для того чтобы весь мир убедился в действительном наличии твердоценного обеспечения. Эмиссионные балансы публиковались дважды в месяц на 1-е и 16-е число, и их внимательно изучали за границей, пытаясь понять действительное валютное положение страны.

Проблемы с показом твердоценного обеспечения возникли еще в период хозяйственных трудностей в феврале 1926 г. Тогда значительная часть инвалюты, размещенной за границей, оказалась связанной гарантиями Госбанка по обязательствам советских предприятий, покупавших товары в кредит. Поэтому пришлось отказаться от действовавшего до того правила, согласно которому связанную инвалюту нельзя было указывать в эмиссионном балансе. Но хотя в тот период с инвалютой были серьезные трудности, и возникали моменты, когда ее почти не было в распоряжении государства, золота всегда оставалось в достаточном количестве. С весны 1926 г. до лета 1927 г. валютные резервы выросли, а затем они стали сокращаться.

И тогда в разделе эмиссионного баланса, где показывалось обеспечение выпущенных червонцев, с 30 июня 1927 г. появилась статья "золото на счетах Наркомфина". Это значило, что Наркомфин присылал в эмиссионный отдел Госбанка гарантийные письма с обязательством предоставить указанное количество золота, но без указания срока его выполнения. Оставалось неясным, есть ли это золото в наличии или его надо еще добыть. Такую манипуляцию можно было делать, потому что в публикуемых дважды в месяц балансах не было подробной расшифровки статьи обеспечения выпуска червонцев — "Золото". Она давалась только в не подлежащих оглашению балансах для внутреннего пользования. Пока гарантийные письма занимали сравнительно небольшой удельный вес и основная часть золотого покрытия хранилась в кладовой Эмиссионного отдела с этим можно было мириться. Например, на 31 декабря 1927 г. числилось золота в кладовой на 139,8 млн руб., а на счете НКФ — 30,5 млн руб. Но к середине июля 1928 г. ситуация коренным образом изменилась в результате огромных продаж золота за границу (около 97 тонн на 125 млн руб.), вызванных необходимостью оплатить импортные закупки в условиях падения экспорта хлеба. Так, на 11 июля 1928 г. в кладовой имелось золота на 46 млн руб., а на счете НКФ — 73,7 млн руб.

Получив записку Юровского, Брюханов собрал узкое совещание ближайших сотрудников, в число которых входил и ее автор. Это были единомышленники, но зная результаты закончившегося в тот же день пленума ЦК и соотношение сил в руководстве страны, большинство пришло к выводу, что менять методы составления балансов нельзя. И это решение легко понять. Юровский предлагал отказаться от использования гарантийных писем Наркомфина, т.е. уменьшить величину твердоценного обеспечения, показываемую в эмиссионных балансах.

Это влекло за собой значительное сокращение эмиссии червонцев, резкое ужесточение кредитно-денежной политики. Смысл соблюдения обязательной нормы твердоценного обеспечения как раз в том и состоял, чтобы поставить барьер чрезмерному выпуску бумажных денег. По существу, речь шла о предложении изменить всю политику партии, которая привела к опустошению валютных ресурсов.

К тому времени уже шла открытая борьба в руководстве между Сталиным и лидерами "правого уклона" во главе с Рыковым, в которой начал вырисовываться перевес Сталина. Руководители Наркомфина фактически предлагали Юровскому смириться с тем, чего нельзя изменить. Тогда Юровский попросил вместо него назначить другого представителя в Совете Эмиссионного отдела и 13 июля отправил А.Л. Шейнману — председателю правления Госбанка, одновременно занимавшему пост председателя Совета — письмо, в котором сообщил, что не может принимать участие в работе Совета из-за несогласия с методами составления балансов.

Этот демарш особого действия не возымел, а спустя несколько дней вновь оживила старая идея девальвации червонца. Теперь с ней выступил нарком торговли А.И. Микоян, предложивший снизить курс червонца на 30%. 13 августа за подписью руководителей Наркомфина в Политбюро была направлена написанная Юровским записка, в которой эта идея резко критиковалась. В записке признавался разрыв между курсом и покупательной силой червонца, возросший после резкого ускорения инфляции летом 1927 г., и вместе с тем подчеркивалось: "Наркомфин считает, что задача заключается не в том, чтобы склонить голову перед этими фактами, а в том, чтобы политикой обеспечивающей реальное снижение общего уровня цен и ликвидирование инфляции, уничтожить разрыв между курсом и покупательной силой червонца. Опыт почти всего 1926 г. и начала 1927 г. показал, что подобная политика вполне возможна и нам необходимо возвратиться к ней"¹. Политбюро отклонило предложение о девальвации червонца, но не приняло и предложение Наркомфина об изменении политики.

Тем временем валютное положение продолжало ухудшаться в связи с распродажей золотого запаса — за весь 1927/28 г. за границей было продано около 160 тонн на сумму в 205 млн руб. Такой широкомасштабной продажи золота не было с 1921 г. С середины августа в закрытых эмиссионных балансах появилась еще одна статья — "Золото на счетах Правления "Союззолото". Это акционерное общество занималось добычей золота и предоставляло Правлению Госбанка свои сертификаты в качестве гарантии будущих поставок. Иными словами, в обеспечение эмиссии ставилось еще не добытое золото. Так, в балансе на 27 сентября 1928 г. числилось золото в кладовой на 19,9 млн руб., на счетах НКФ — 49,5 млн руб., на счетах "Союззолото" — 41,3 млн руб. Притом за три квартала 1927/28 хозяйственного года государству от этого акционерного общества реально поступило золота лишь на 12 млн руб.

Юровский же все еще не был освобожден от обязанностей представителя Наркомфина в Совете Эмиссионного отдела, и его подпись

¹ ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 1605, с. 7.

продолжала стоять под опубликованными эмиссионными балансами, хотя он с начала 1928 г. перестал подписывать их подлинники. В этой ситуации он 6 октября написал новую записку Брюханову и председателю Совета Эмиссионного отдела. В ней он уже официально просил освободить себя от работы в Совете, мотивируя это двумя причинами. «Мною, с одной стороны, руководят общие соображения о допустимых пределах и формах замены металлических обеспечений теми или другими обязательствами, а с другой стороны, руководит глубокое убеждение, что вопрос о золотых резервах приобретет через некоторое время еще большее значение, чем то, которое он имеет теперь, что дело правильного исчисления этих резервов будет признано крайне важным и что трудящиеся страны, в частности рабочие, как беспартийные, так и партийные в случае какой-либо неудачи в области внешних расчетов, никогда не признают правильным то, что делается Советом Э.О. теперь. Между тем меры, принимаемые для предотвращения угрожающих в этой области опасностей, мне представляются недостаточными и не достигающими цели»¹.

Здесь была сформулирована суть его позиции. Юровский исходил из того, что какие бы ошибки ни делало руководство страны, рано или поздно ему придется встать на путь здравого смысла. Раз правящая партия является партией рабочего класса, то она не может существенно снижать уровень его жизни. С другой стороны, для проведения индустриализации, которая объявлена главной целью политики, необходимы экспортные ресурсы, т.е. увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции, что потребует изменения отношения к крестьянству. Поэтому долг специалиста он видел в том, чтобы приближать все равно неизбежный поворот к экономически обоснованной политике. В своих рассуждениях он опирался на опыт перехода к нэпу в начале 1921 г., который был вызван не только крестьянскими восстаниями, но и глубоким недовольством рабочих продолжением политики "военного коммунизма" после окончания гражданской войны. Но он не учитывал того, что за 7 лет нэпа государство укрепилось и получило возможность при желании проводить собственную политику, независимую от настроений как крестьян, так и рабочих. Важное значение имело также различие между Лениным и Сталиным в оценке того, каких масштабов насилие допустимо по отношению к своему народу. Сталин был готов любой ценой добиваться поставленной цели.

Реакцию на свою записку Юровский вряд ли мог предвидеть. Так как она была подана в момент острой борьбы Сталина с Рыковым, то подозрительный генсек увидел в ней попытку беспартийных специалистов выступить на стороне его оппонента, который и сам предлагал внести примерно такие же изменения в политику. 11 октября Политбюро приняло решение об освобождении Юровского от обязанностей начальника валютного управления и члена коллегии Наркомфина.

Однако принятием соответствующего постановления Совнаркома было оформлено только снятие Юровского с поста начальника валютного управления. Рыков попытался сохранить его в качестве члена коллегии Наркомфина. Для этого 9 ноября Брюханов обратился в Полит-

¹ ГАРФ, ф.5446, оп.55, д.1866, с.18.

бюро с запиской, в которой просил отменить решение от 11 октября о выводе Юровского из состава коллегии. Он так мотивировал свою просьбу: "Я считал и продолжаю считать т.Юровского самым ценным работником из состава беспартийных спецов Наркомфина и Госбанка, всегда прямо и открыто выражающим свое мнение по самым ответственным вопросам финансовой работы и финансовой политики... Беспартийные специалисты, работающие во всех наших аппаратах, расценивают Юровского как финансиста очень высоко. Имя Юровского (не только для них, но и для заграничных теоретических и деловых финансовых кругов) — не без оснований связывается с нашей денежной реформой 1924 г., активную руководящую роль в проведении которой он играл... Я считал бы совершенно неправильным административное устранение Юровского от работы в Наркомфине (а это неизбежно будет результатом его исключения из коллегии), которое несомненно будет истолковано всеми беспартийными сотрудниками как кара за выражения своего несогласного с начальством мнением и превратит их на будущее время в бессловесных исполнителей"¹. Эта просьба рассматривалась на трех заседаниях Политбюро и только 13 декабря оно все-таки согласилось его удовлетворить, и Юровский был оставлен в составе коллегии Наркомфина.

Что же касается методов показа твердоценного обеспечения в эмиссионных балансах, то по существу они не изменились после записки Юровского. Только статья "Золото на счетах Правления "Союззолото" как самостоятельная была ликвидирована и включена в статью "Золото на счетах НКФ". В результате эмиссионные балансы продолжали все дальше отдаляться от реальности. Например, на 1 июня 1929 г. в кладовой Эмиссионного отдела имелось золота на 22,2 млн руб., в то время как по статье "Золото на счете НКФ" числилось 158,2 млн руб. Иными словами, эмиссия червонцев обеспечивалась в основном будущей добычей.

После того как Юровский был оставлен в составе коллегии Наркомфина, 1 февраля 1929 г. его назначили начальником планово-экономического управления. И на этом посту он продолжал выступать за приведение плановых темпов развития страны в соответствии с реальными возможностями против форсирования индустриализации, причем не только в своем ведомстве, но и на публичных собраниях. Именно в таком направлении была, например, выдержана его речь на V съезде работников плановых органов 12 марта 1929 г.

Юровский был человеком высокой культуры, прекрасно знал литературу и искусство, неплохо играл на скрипке, и как подлинный интеллигент, не любил конфликтов в повседневной жизни, но в сфере профессиональной он твердо и принципиально отстаивал свои взгляды. Символичным, по-моему, является тот факт, что Юровский дружил с семьями известного пушкиниста В.Е. Якушкина — внука декабриста, а также прогрессивного адвоката И.Н. Сахарова — деда академика А.Д. Сахарова. Так через поколения передавались лучшие традиции русской интеллигенции.

¹ Архив Президента РФ, ф.3, оп.39, д. 10, с. 79.

Но время для честного исполнения своего предназначения уже подходило к концу. В ноябре 1929 г. после чистки аппарата Наркомфина Юровский подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей начальника планово-экономического управления. Оно было удовлетворено, но он остался в составе коллегии, и даже получил новое назначение. 14 апреля 1930 г. он стал членом Совета Госбанка. Однако колесо истории катилось дальше. 26 июля 1930 г., спустя две недели после окончания XVI съезда партии, на котором Сталин закрепил свою победу над "правым уклоном", а Рыкову пришлось покаяться, Юровский был арестован и обвинен в принадлежности к антисоветской "трудовой крестьянской партии" (ТКП). Такое обвинение было предъявлено не только ему. По делу ТКП в стране арестовали более тысячи человек, среди которых было много крупных экономистов. Примерно в то же время были проведены многочисленные аресты специалистов по обвинению в принадлежности к другим контрреволюционным организациям, в частности к Промпартии.

Вся эта операция проводилась по личному указанию и под постоянным наблюдением Сталина. Он преследовал при этом несколько целей. Во-первых, использовать специалистов как козлов отпущения, возложить на них вину за те грубые ошибки в политике, на которые они же не раз указывали и пытались не допустить. Во-вторых, изображая их как агентов враждебных иностранных государств, готовящих интервенцию, создать в стране обстановку осажденной крепости, когда кажется неизбежным рост военных расходов и проведение форсированной индустриализации для увеличения выпуска вооружений. В-третьих, аресты специалистов, занимавших в свое время крупные посты, позволяли связать с ними в случае необходимости оппонентов Сталина в руководстве страны, в частности Рыкова, который до декабря 1930 г. занимал должность председателя Совнаркома. Вскоре после ареста Юровского Сталин писал Молотову: "Теперь ясно даже для слепых, что мероприятиями НКФ руководил Юровский (а не Брюханов)"¹.

Юровский выдержал 42 допроса и не подписывал изготовленные следователями признания во вредительстве до тех пор, пока у него хватало сил. Однако еще до ареста он страдал тяжелой болезнью под названием "меньеровский симптомокомплекс", при которой внезапно наступает головокружение, рвота, понижение слуха. В тюрьме эта болезнь обострилась, и когда число приступов головокружения дошло у него до шести в день, он согласился удовлетворить все требования следователей. Подписанный им протокол с признаниями был показан проходившему по тому же обвинению Н.Д. Кондратьеву, от которого добивались таких же признаний. В письме Сталину с отказом от всех признаний и с просьбой об освобождении, написанном из Суздальского политизолятора в ноябре 1932 г., Кондратьев так описывал свою реакцию на этот протокол: "Этот протокол потряс меня до глубины души. Хорошо зная безукоризненную честность Юровского как в личной жизни, так и в советской работе и столь же хорошо зная, что все его показания не соответствуют действительности, я без труда представил

¹ Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. — М.: 1995, с.193.

себе все те страдания, через которые он должен был пройти перед подписанием такого протокола".

В январе 1932 г. коллегия ОГПУ рассмотрела дело руководителей ТКП. В соответствии с директивой Политбюро высший срок наказания по этому делу был установлен в восемь лет, его и получил Юровский. Вымышленный характер всех обвинений был установлен военной коллегией Верховного суда СССР летом 1987 г., когда осужденные были реабилитированы. Юровский отбывал наказание в Суздальском политизоляторе, и там он сделал попытку заинтересовать руководство в продолжении своей научной работы. Им была написана работа "Трансформация категорий денег и кредита в процессе нашего социалистического строительства", которую его жена в конце июня отправила Сталину и Молотову. А в начале июля сам Юровский направил тем же лицам заявление с отказом от всех признаний и просьбой об освобождении. Все эти усилия оказались тщетными, он остался в заключении. Его болезнь еще больше обострилась, и в конце сентября 1934 г. Юровского поместили в тюремную больницу, откуда он направил прокурору страны И.А. Акулову просьбу об освобождении в связи с болезнью. Тот ее поддержал, направив соответствующее обращение Сталину. 13 декабря 1934 г. на фоне нового витка массовых репрессий после убийства С.М. Кирова было принято решение Политбюро об освобождении Юровского.

Ему было запрещено жить в 15 крупных городах, и он поселился в поселке Середа Ивановской области, где работал бухгалтером. В конце 1936 г. Юровский добился разрешения вернуться в Москву. Поначалу зарабатывал на жизнь переводами художественной литературы с французского и немецкого языков, оформляя договора на них через своих знакомых переводчиков. Но к осени 1937 г. пришлось искать штатную работу — его сына, выпускника школы, не принимали на физический факультет МГУ без справки с места работы отца. Нашелся смелый человек — его старый знакомый начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт, который взял его консультантом в планово-экономический отдел. Сын Юровского поступил в МГУ, окончил физфак в 1941 г., пошел добровольцем на войну и погиб в 1943 г. А за шесть лет до этого, в конце 1937 г., его отец вновь был арестован и 17 сентября 1938 г. расстрелян.

Юрий Голанд

Содержание

Голанд Ю.М. "Леонид Наумович Юровский. Портрет на фоне эпохи"5

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917 – 1927)

Предисловие	29
Предисловие к первому изданию книги "На путях к денежной реформе"	31
Введение. Денежное обращение до Октябрьской революции	32
Глава I. Денежная политика эпохи военного коммунизма	64
Глава II. Проблема безденежного хозяйства	98
Глава III. Новая экономическая политика и восстановление финансового хозяйства	130
Глава IV. Распад денежной системы и унификация денежного обращения	156
Глава V. Поиски мерил ценности	183
Глава VI. Червонец	200
Глава VII. Система параллельного обращения и агония совзнака	227
Глава VIII. Реформа 1924 года и новая система денежного обращения	256
Глава IX. Денежная политика 1924 – 1927 годов	291
Заключение. Проблемы денежной политики на десятом году революции	326

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе	352
Русское хозяйство	409
Крайний срок	413
Социальное содержание социалистической революции	416